

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-2-76-86

Образ трансформации и пластичность мышления

Ольга Александровна Смагина

Аналитический психолог

Новосибирск, Россия

smagina@bk.ru

Аннотация

В статье предлагается посмотреть на образ трансформации как на идею, влияющую на пластичность мышления (способность человеческого мозга преодолевать привычные реакции и схемы мышления и создавать новые). С этой точки зрения образ трансформации в мировой мифологии может быть рассмотрен как фактор, предопределяющий культурологические стереотипы мышления, отражающий представление сознания о возможностях психики. Приведено описание образов превращений в древнегреческой и индуистской мифологии как двух точек зрения на психические процессы. Это позволяет заметить возможности и ограничения процессов преобразования, которые предлагают западные и восточные мифы. Трансформация рассматривается как базовая задача в юнгианском подходе. Благодаря глобализации вся мировая мифология стала одинаково доступна. Цель данной работы – рассмотреть различные версии образа трансформации, что позволяет обогатить эмоционально значимые, архетипические символы, которые используются на практике. В статье описаны признаки, лежащие в основе образа трансформации в восточных мифах, которые можно сопоставить с современными эмпирическими данными о психике и физиологии. На основе этого сравнения высказывается предположение, что современные знания о пластичности мышления ближе к восточному типу мифов.

Ключевые слова

трансформация, мифология, гибкость мышления, архетип, образы бессознательного

Для цитирования

Смагина О. А. Образ трансформации и пластичность мышления // Reflexio. 2022. Т. 15, № 2. С. 76–86. DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-2-76-86

© Смагина О. А. , 2022

The Image of Transformation and Cognitive Flexibility

Olga A. Smagina

Analytical psychologists
Novosibirsk, Russia
smagina@bk.ru

Abstract

The article suggests to view the image of transformation as an idea, that affects cognitive flexibility (the ability to overcome responses or thinking that have become habitual and adapt to new situations). We may notice, that cultural stereotypes of thinking are partly predetermined by mythology. Myths represent our mind's view of mental capabilities, the way our conscience interprets unconscious processes. The following describes the images of transformations in ancient Greek and Hindu mythologies as two points of view on psychic processes, letting us notice possibilities and limitations of transformation processes offered by Western and Eastern myths. Transformation is considered a basic task in Jungian theory. Today, the entire world mythology has become accessible due to globalization. The purpose of this work is to consider different versions of the transformation image, making it possible to enrich emotionally significant, archetypal symbols that are used in practice, as well as to think about which symbols and mythological images most accurately represent modern consciousness, today's reality perception. The signs underlying the image of transformation in Eastern myths are compared with modern empirical data on physiology and psyche. Based on this comparison, it is suggested that modern knowledge on cognitive flexibility is closer to Eastern mythology.

Keywords

Transformation, mythology, archetype, cognitive flexibility, images of the unconscious

For citation

Smagina O. A. The Image of Transformation and Cognitive Flexibility. *Reflexio*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 76–86. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2022-15-2-76-86

Понятие «трансформация психики» может быть рассмотрено как некий тотальный процесс, а когда мы говорим об исцелении – это локальный процесс превращения какой-то составляющей, части психики из одного в другое. Собственно, это то, ради чего приходят клиенты к психологу – чтобы измениться. Они этого хотят, но нередко в это не верят.

Рассматривая в данной статье образы трансформации, я имею в виду не сами психические процессы, вечно текущие и изменяющиеся, как и все в природе, а позицию сознания по отношению к этим изменениям, способность сознания воспринимать или игнорировать изменчивость психики. Способность мышления «обновлять данные» о внутреннем ландшафте, и совершать выбор, активно действовать, учитывая или не принимая во внимание изменения в «исходных данных».

Психическое изменение как некий, скажем так, результат, мы можем рассматривать как состоящий из двух частей: первое – что-то в психике меняется.

Второе – сознание принимает эти изменения как состоявшиеся, включает новые данные в свою картину мира.

И здесь мы встречаемся с широко известной способностью человека игнорировать реальность, как внешнюю, так и внутреннюю. Способностью трактовать любые события в рамках, а бывает, что и в жестких рамках своих представлений.

Мы знаем проявления этой особенности с точки зрения различных подходов:

- как особенность работы мышления, спецэффекты работы мозга, способного искажать и выкидывать какие-то события и слова из восприятия, как будто этого не было или было все не так. Например, когда свидетельские показания одной и той же ситуации сильно расходятся и тому подобные ситуации.

- как сложившееся «представление о себе», которое служит основой поведения снова и снова несмотря на то, что реальный опыт его опровергает. Осознание ложности такого представления может переживаться как глубочайший инсайт: «Я думала, что это у марок одежды, которые я покупаю, очень хорошие лекала, а оказывается, это у *меня* красивая фигура».

В психологии, относительно внутренних объектов, мы узнаем эту способность в моделях механизмов защиты, где рассматривается, каким именно способом сознание изменяет поступившую информацию. Примерами моделей психологии, уделяющих внимание разрыву между реальными изменениями и сложившимся образом, мы можем назвать механизм проекций и понятие «глубинные убеждения» когнитивной психологии.

В качестве одного из физиологических свойств, которое помогает преодолеть разрыв между образом реальности и образами сознания мы можем назвать когнитивную гибкость, основанную на пластичности мозга.

Гибкость мышления, или когнитивная гибкость, – это способность человеческого мозга преодолевать привычные реакции и схемы мышления и создавать новые.

«Под пластичностью мозга подразумевается способность нервной системы изменять свою структуру и функции на протяжении всей жизни в ответ на многообразие окружающей среды... Этот термин используется для обозначения изменений, происходящих на различных уровнях нервной системы: в молекулярных структурах, изменения экспрессии генов и поведения» [Нейропротекция..., 2017, с. 119].

То есть гибкость мышления, опирающаяся на пластичность мозга – это один из ресурсов, на который полагается психотерапия в надежде быть эффективной.

В психике существуют и идут своим чередом процессы роста и преобразования, так же как не спрашивая согласия разума, эти процессы идут в физическом теле.

Как мы можем увидеть, преодолению разрыва между происходящим и восприятием происходящего сознанием отводится немалая часть психотера-

певтической практики. В данной статье предлагаю поразмышлять над источником этого феномена – какие корни имеет недоверчивость сознания к изменениям в психике. Какой образ изменений культурологически существует и воспринимается как аксиома? Какие убеждения имеет человеческая культура о возможностях трансформационных процессов? Что допускают и что запрещают как «нереальные» принципы современного мышления?

Образы процесса трансформации в мифологии

Давайте обратимся к мифологии как к сфере, описывающей бессознательные процессы, и как к культурному контексту, отражающему и формирующему сознание.

В данной статье проводится сравнение древнегреческой мифологии и индуизма. Давайте обратим внимание на контекст, некие определяющие принципы, по которым все устроено.

В психоаналитическом и аналитическом подходе персонажи мифологии и истории, происходящие с ними, рассматриваются как иллюстрации бессознательных психических процессов, «рассказанные» на понятном сознанию языке. Мы знаем, как многое зависит от того, кто именно рассказывает, от его пристрастного взгляда. Мы можем посмотреть на народ на протяжении столетий как на Великого Рассказчика и на разные народы мира как на нескольких могучих участников, передающих одно и то же мировое событие, каждый в силу своего характера. Таким образом, сравнив истории, которые у них получились, мы находим общее, нить истории, которая исследуется как архетипические сценарии, но можем посмотреть и на главные различия, которые позволяют определить решающий характер разницы восприятия, и, возможно, расширить благодаря этому собственное представление.

Выбор мифологий в данной статье обусловлен основополагающим различием, известным как принадлежность одной мифологии к «западному», а другой – к «восточному» мышлению, восприятию мира.

Если рассматривать образы мифов как отражение восприятия мира, его осознание и размышления о его устройстве, то история развития мышления отражена в философии. Исторически усиление расхождения двух этих ветвей отмечается как произошедшее в философии к Западу и Востоку от Древней Греции, когда законы логики были отшлифованы Аристотелем. Закон тождества, закон противоречия и закон исключения третьего позднее получили свое расширение в европейской мысли. Индийский философ Нагараджуна (II–III вв. до н. э.) развивал в рамках буддийского направления мысли логику без аристотелевских ограничений. Философ и антрополог Синити Наказава в своем исследовании [Наказава, 2022, с. 33] определяет логику, на которой сделал акцент Аристотель, как «логику Логоса», а логику, используемую Нагараджуну в своих трактатах, как «логику Леммы». Сопоставляя эти линии развития, он делает вывод, что логика Леммы включает в себя логику Логоса.

Наказава отмечает, что Кант не опирается на закон тождества, а гегелевская философия свободна от закона противоречия, но закон исключения третьего не был опровергнут в западной философской мысли.

Давайте перейдем к рассмотрению образов трансформации с этих двух разных точек восприятия.

Если рассматривать божеств древнегреческой мифологии как отражение внутренних объектов, а мир, в котором все происходит, – как психику, то в первую очередь обращает на себя внимание определенность, неизменность каждого божества. Гера может быть только Герой. Не может быть Афродитой или тем более Гефестом. Характер каждого персонажа определен и неизменен от начала времен и во веки веков.

Изменение, какое-то новообразование, трансформация возможны только в потомках, изменения внутри объекта невозможны. Существует четкая структура и иерархия взаимосвязей, кто с кем связан (родственными узами), а с кем *не связан*. Персефона, богиня весны, произрастания и цветения, и Гера, богиня брака, супружества и покровительница родов. Между ними нет прямой связи, и, говоря языком психологии, мы назвали бы это «разными качествами».

То есть если говорить о системе древнегреческих богов как о метафоре структуры психики, то это образ коробки, поделенной на ячейки, в каждой из которых лежит свое содержимое, как будто внутренние объекты по правилам игры имеют статичные границы и характеристики и не могут изменяться по своей сути.

Давайте теперь рассмотрим образ преобразования как процесс, с какими акцентами он представлен.

Перевоплощение в некое принципиально другое существо в сказках и мифах означает «принять облик», т. е. это изменение внешних черт с неизменным содержанием (выборами, характером, судьбой). Если вспоминать сказки, там герой может «превращаться» для выполнения определенной физической задачи (в сокола или муху, чтобы перелететь через море; в муравья, озеро, чтобы спрятаться). Идет ли речь о героях, смертных, или бессмертных богах, этот принцип остается неизменным. Мифы о многочисленных похождениях Зевса показывают примеры его превращения в людей, животных, стихии, но всегда за ними стоит все тот же Зевс, и цели его определяются одними и теми же мотивами, свойственными характеру Громовержца.

Второй вариант перевоплощения из одного в другое – быть заколдованным (превращенным – в камень, коня, медведя...). «Быть собой» в этом случае герой перестает, но «кем-то другим» не становится. Герой мифа как аспект психики неподвижен, не преобразуется, и лучшее, что с ним может случиться – это превращение обратно в себя.

Также следует упомянуть превращения первоначального героя/героини – дурачков, падчериц и других героев сказок, в царей и царевен. Здесь мы наблюдаем тот же момент – сам персонаж по сути не меняется, меняется форма, статус: Иван-дурак или Иван-царевич – это всегда сначала и по-прежнему Иван.

Предлагаю провести аналогию с коучинговыми запросами к собственной психике «развить» свою решительность/женственность/эмпатию/независимость и т. д. От степени дурачка или падчерицы до степени царя или царевны. В силу широкой распространенности подобных запросов представляется, что такой способ движения психики настолько интегрирован в образ мышления, что является естественным, понятным интуитивно, и столь же интуитивно воспринимается сознанием, как «нормальный», «существующий», «реализуемый».

Сложности наступают, когда речь заходит о проявлениях психики, которые оцениваются сознанием как «негативные» или «чуждые». Поскольку на уровне образов в сознании – это отдельные, неизменяемые, «плохие» существа. Психология, имея в своем арсенале концепции инантидромии, механизма проекции, отточенные объяснения безоценочного восприятия, да и просто житейскую мудрость о «двух сторонах одной медали», и недостатках, являющихся продолжением наших достоинств, тем не менее не может предложить психике эмоционально насыщенный коллективный образ, культурно интегрированный символ трансформации во взаимосвязи. Единственное, что вспоминается автору данной статьи – сказка о Василисе, которая пошла учиться у Бабы Яги, персонажа пугающего и находящегося за пределами добра и зла. Исключительность данной истории может быть косвенно подтверждена коллективной реакцией на эту сказку – множеством юмористических мемов в Интернете по поводу этой сказки, суть которых сводится к «ого, тут-то я научилась плохому!». То есть интеграция возможности получить ценное от «плохого» объекта вызывает сильную реакцию, которая требует дополнительного выхода и находит его в юморе.

Глядя на мифологию, и если сюда добавить текущую приоритетную логику, основанную на определенности, то неудивительно, что мы, дети своей культуры, не слишком верим во внутренние процессы изменений. За гранью возможного находятся в нашем воображении и даже не существуют такие пути и образы.

Как могло бы выглядеть восприятие внутреннего пространства, если бы аспект изменчивости был одним из основополагающих принципов?

Давайте рассмотрим восточную мифологию. Я не раз слышала, когда кто-то начинал интересоваться восточной мифологией, жалобы на то, что «ничего не понятно и все как-то запутано». Может быть, как раз поэтому и выглядит запутанным, что по-другому принципу организовано.

В индуисткой мифологии возможно «превращение» одного божества в другое. Причем грань между событием и личностью условна. Например, Кали. Если обращаться к мифу, то это то, что мы бы назвали облик. Появился однажды демон, которого боги не могли одолеть, потому что ни один мужчина не способен его убить. Боги уговорили благостную Парвати как бы это сказать – рассердиться. То есть не принять боевой внешний вид, а перейти в определенное состояние, и внешний вид, который мы видим на изображениях Кали – это просто образ этого состояния, его выражение в терминах фи-

зической реальности. Парвати превратилась в Кали, в разрушающую ярость, победив и демонов, и армию, и Шиве пришлось постараться, чтобы богиня успокоилась, перешла в другое состояние.

То есть с одной стороны, это выглядит как событие, просто настроение богини. Но Кали – это не настроение, это субъект, часть пантеона божеств. Кали – это описание, персонификация значимого аспекта бытия, она олицетворяет порождающее и поглощающее время, божественное знание, динамическую природу жизни. То есть если говорить о ней как о человеке, ответ на вопрос – так это одно из настроений Парвати или самостоятельная личность, это *случай* с Парвати или *реальность* Кали? Кали одновременно и аспект, событие Дурги, и богиня, а Дурга или Парвати – благодатная ипостась Кали. А вообще-то и то и другое – аспекты богини-матери, или энергии Шакти, созидательной энергии жизни.

В разных источниках мы можем найти разное количество взаимосвязанных женских божеств: три, девять, десять.

Если рассматривать взаимосвязь между женскими божествами даже в одном источнике, вот какой комментарий дает санскритолог А. А. Игнатъев:

«В шактизме обычно считается, что есть высшая богиня, по отношению к которой все прочие являются ее проявлениями разных уровней (в Девибхагавата-пуране выделяют четыре таких уровня). Четких отношений иерархии между богинями не просматривается, и возникающее логическое противоречие игнорируется. Например, в Бриханнила-тантре фигурируют три основных женских божества: Кали (Махакали, Калика), Тара (Тарини) и Ниласарасвати (Нила, Нилавани). Существует явная тенденция к отождествлению двух последних. Так, в 1.18 Парвати спрашивает Шиву мантру Тарини, а, передавая ей мантру в зашифрованном виде, бог не раз упоминает имя Ниласарасвати (1.22, 24, 27), а затем говорит о почитании Тарини (1.29). Гимн 2.42–55 посвящен Ниласарасвати, но в нем богиня именуется Тарини (2.43), в мифе о спасении богов от асур в 12-й главе эти богини также отождествляются (12.57–58). Отчасти это действительно так, например, в 7.25 сказано, что Кали – это Ниласарасвати и между ними нет различий. Однако не всегда, поскольку в 12.51–52 Махакали создает Ниласарасвати (Нилавани). Впрочем, в тексте Кали, Тара и Ниласарасвати могут как отождествляться, так и выступать как отдельные сущности. В 8.102–106 о Кали и Таре говорится как о разных богинях и даются их отдельные мантры, а в 8.119 Тара, Кали и Анируддха-Сарасвати отождествляются» [Бхагават гита, 2014, с.4].

Вся эта информация не структурирует привычным нам образом, а как раз наоборот, демонстрирует текучесть одного божества, которое мы наблюдаем как перевоплощение одного божества в другое, в третье, рассказанное во времени.

Приведу пример, как эта позиция реализуется на уровне массовой культуры. Индийский сериал «Бог богов Махадев», адресованный широкому кругу зрителей, посвящен легенде о Шиве.

Шива – главный из тримурти божеств (Брама, Вишну, Шива), и он проводит время в медитациях и молитвах. В сериале есть сцена: однажды Вишну и Брама задаются вопросом – а кому возносит молитвы Шива?! Он отвечает – Рама. А кто такой Рама? Это будущее воплощение Вишну. То есть главный бог молится некоему несуществующему еще богу, в которого превратится другой бог, из тех, что рядом с ним сидят. Представить подобную сцену во «вселенной Марвела» сложно, на этом примере вы можете почувствовать разницу контекстов.

Схематично пантеон греческих богов можно изобразить в виде иерархического дерева решений, в то время как схематическое изображение божеств восточной мифологии – это круг, не имеющий ни начала, ни конца.

Рассмотрим подробнее этот аспект – разницу между различными божествами, в основе которых лежит одна и та же трансцендентная сила. Это действительно означает перевоплощение, изменение по своей сути. Разные воплощения одного и того же божества имеют каждый свои приоритеты, смыслы жизни, характер и судьбу. К примеру, череда воплощений Вишну, хранителя мироздания.

В мифологии Вишну имеет несколько воплощений, т. е. превращается из одного субъекта в другой, и мы можем четко определить линию последовательности этих воплощений. Первоначальные превращения Вишну имеют тот же характер, что мы находим в греческой мифологии и широко известных сказках – это изменения формы для выполнения определенного действия. Так, он принимает образ прекрасной апсары, чтобы обхитрить асуров, и образ вепря для битвы с демоном Хираньякши. Говоря о воплощениях Вишну в человеческом облике, слово «принять внешность» уже не подходит, он ими становится – это судьбы, прожитые сполна.

Вишну, «созидающий космос».

Рама, вроде бы его воплощение, но смысл жизни и основа характера Рамы – верность и достоинство. Долг и служение, исполнение высшего закона – все его поступки во имя этого. Он воин и отшельник. 24000 стихов «Рамаяны» посвящены истории судьбы, где верность и сомнения – центр и точка отсчета.

Более поздний во времени аватар – Кришна, вроде бы тот же Вишну или тоже Рама, но он любовник, рубаха-парень, любимец женщин и душа компании. Не воин, а друг и возница воина (Арджуны). «Бхагаватгита» – еще одна часть древнего эпоса, о том, как видится мир, когда о нем говорит Кришна, и это совсем другая история.

Так каков же «на самом деле» Вишну?

Как и при рассмотрении женских божественных аспектов, выстраивание линейной иерархии не помогает пониманию. Центр воплощений Вишну находится не в фиксированном раз и навсегда месте, а там, где его определяет наблюдающий. Может быть, это божество Вишну и его полные воплощения. Можно посмотреть на это как на Кришну, который является божеством, а Виш-

ну – это название трансцендентной энергии, из которой он состоит, Вишну в этом случае стихия, а не личность.

Из сознания, организованного по принципу однозначности к восприятию и описанию психики как пластичной и текучей, сделал шаг К. Г. Юнг. Эмпирически исследуя психику, он выделил понятие архетипа как некоей единицы описания на уровне глубинных слоев психики, коллективного бессознательного. Первое, с чего начинается определение данного понятия: однозначного определения архетипа не существует. Также Юнг указывает, что архетип имеет ядро, центр, но не имеет границ [Юнг, 2003, с. 42].

С точки зрения западной мифологии, это определение бессмысленно, непонятно. Однако оно становится точным описанием, если взглянуть на психику с точки зрения восточной мифологии. Вишну как целостность его аватаров невозможно описать ограничивающими определениями, в то же время мы можем увидеть и «назначить» ядро, центр, в любой точке «мифологии Вишну» – в точке «Рама», или в точке «Кришна» или любой другой, наблюдая, как разворачивается мир из этого центра.

Сопоставляя восточную мифологию как макрообъект отражения психики и юнгианскую теорию, основанную на материалах клинического опыта, глубокого взгляда в каплю личности человеческого океана, мы можем видеть реализацию одного и того же принципа, являющегося каждый раз окончательной, но бесконечной трансформацией.

Заключение

Итак, чему мы можем научиться, глядя на восточную мифологию? Как пластичность, переход через условную границу «разных частей» внутреннего мира реализуются в мифах, т. е. какими дорогами ходит наше сознание, как получает внутренний опыт интеграции как будто бы не связанных между собой частей?

Наказава в своем исследовании лемматических наук делает вывод, что «рациональное восприятие возможно даже без трех законов логоса. На самом деле человеческое мышление может приблизиться к реальности только после того, как произошло освобождение от трех законов логоса, так что лемму можно рассматривать как расширение логоса» [Наказава, 2022, с. 38].

То есть речь не идет о том, чтобы противопоставить разум интуитивному или чувственному восприятию мира, а о том, что разум на сегодняшний день может расширить способы мышления.

В современном мире единого информационного пространства мифологии разных народов одинаково доступны во всей полноте. Емкие и прекрасные образы, созданные восточной мифологией, позволяют восполнить недостаток представлений о трансформации в нашем сознании. Отмечу, что эти образы приемлемы эмоционально-этически, и обладают внутренней красотой, так

что современному сознанию не требуется дополнительных оговорок для их принятия.

Если говорить не на уровне столетий и мировых мифологий, а о текущих событиях, о локальной психике – мы можем говорить о навыке мышления преобразовывать объекты, или воспринимать процесс превращения одного в другое как нормальную часть реальности.

С одной стороны, способность мыслить образами трансформации у нас не слишком развита, значимого внутреннего опыта, навыка и культурологических образов, скорее, нет. С другой стороны, навык рефлексии не входит в программу общего школьного образования, но тем не менее может быть развит как в профессиональной, так и в клиентской позиции. Мы не требуем от клиентов уметь рефлексировать на входе в терапию, подразумевая, что это навык осваиваемый и считая эту задачу частью терапевтического процесса. Так и трансформация может быть рассмотрена как навык, заложенный в человеческом сознании и физиологии, но не имеющий развития в общем образовании и потому требующий отдельного внимания – и как образы, даваемые сознанию в качестве примеров, и как процессы, направленные на тренировку этого навыка.

Список литературы

Бриханнила-тантра. Калининград: 2014.

Бхагават гита. М.: Бхактиведанта Бук Траст, 2015.

Наказава С. Лемматические науки о разуме: потенциал Сутры цветочной гирлянды // Юнгианский анализ. 2022. Т. 52. №4. С. 32–40.

Нейропротекция. Холинергическая терапия. Нейрогенез. Глиатилин – 25 лет в России // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2017. № 4. С. 119–123.

Рамаяна. М.: Гаудия веданта Пресс, 1999.

Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2003.

Jung C. G. *Gestaltungen des Unbewussten*. Zürich: Rascher, 1950.

References

Bhagavad Gita (2005). Moscow: Bhaktivedanta Book Trust. (in Russ)

Brihannila-tantra (2014). Kaliningrad. (in Russ)

Jung, C. G. (1950). *Gestaltungen des Unbewussten*. Zurich: Rascher, 1950. (in German)

Jung, K. G. (2003). *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the collective unconscious]. M.: AST. (in Russ)

Nakazawa, S. (2022). Lemmatische nauki o razume: potentsial Sutry tsvetochnoi girliandy [Lematic Sciences of the Mind: Potential of the Flower Garland Sutra]. *Jungian Analysis*, 52(4), 32–40 (in Russ).

Neuroprotection. Cholinergic therapy. Neurogenesis. Gliatilin: 25 years in Russia (2017). V.M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology, 4, 119–123. (In Russ)

Ramayana (1999). Moscow: Gaudiya Vedanta Press. (in Russ)

Информация об авторе

Смагина Ольга Александровна, аналитический психолог

Information about the Author

Olga A. Smagina, analytical psychologists (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редколлегию 03.04.2023

The article was submitted 03.04.2023